

© 2001 г. Ю.Д. АПРЕСЯН

ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ*

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Для обозначения более мелких семантических сущностей, чем значение слова, в лексикографии используются термины "употребление" и "оттенок значения", причем с употреблением связываются меньшие отклонения от основного (прототипического, словарного) значения, а с оттенком значения – несколько большие.

Термин "оттенок значения", как я попытался показать в работе [Апресян 1974: 243–248], крайне неоднороден. Он дублирует три других лингвистических понятия, природа которых принципиально различна и не поддается обобщению, а именно, понятия семантики (лексического значения), синтактики (особенностей управления и сочетаемости) и прагматики. Поскольку термин не имеет постоянного содержания и в лучшем случае избыточен, от него необходимо отказаться.

Термин "употребление" появился в лексикографии относительно недавно¹. В словарях он используется как уже данное, т.е. хорошо известное или самоочевидное понятие, не требующее какого-либо общего определения. Обычно он вводится с помощью нескольких конкретных примеров. Ср. следующие типичные пояснения из МАС'а: "Особенности употребления слова, характерные для того или иного его значения, даются за знаком | с соответствующим указанием на эту особенность; например, при глаголах за знаком | указываются случаи безличного употребления, при прилагательных... – случаи субстантивации их (если нет изменений в значении слова), при существительных – употребление с собирательным значением, случаи распространительного употребления и т.п." [МАС 1981: 8]. Примеры употреблений: *Из степи дуло теплым ветром* [безличное], *Школа для глухих* [субстантивация], *двигать вещи* [обычно множественное число, о мебели], *мраморная (торфяная) крошка* [собирательное значение от крошки 1 = 'мельчайшая часть, маленький кусочек какого-л. вещества']. Особыми употреблениями считаются также случаи образного и расширительного использования слова в данном значении. Так, у существительного *полоса* в значении 'промежуток времени, характеризующийся чем-л.' (*полоса скучной жизни*,

* Данная работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 99-04-00420а) и РФФИ (гранты № 99-06-80292 и № 00-15-98866). Она представляет собою журнальный вариант текста доклада, прочитанного автором на Виноградовских чтениях в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН 18 января 2001 года.

¹ Как отдельное понятие, противопоставленное "значению" и "оттенку значения", "употребление" фигурирует в БАС'е, МАС'е и производных от них словарях, в частности, в БТС'е; см. [БАС 1948: XII; МАС 1981: 8; БТС 1998: 7], где говорится об образных, символических, распространительных, иронических и иных употреблениях слова. В [СО 1990: 16] и в [СОШ 1992: 6] "употребление" противопоставляется значению, но не "оттенку значения". В [СУ 1934] и всех предшествующих толковых словарях русского языка "употребление" как лингвистический термин во вводных материалах не фигурирует и в корпусе словаря как объект, отличный от значения, не лексикографируется. Точнее, если слово "употребление" и используется, то исключительно как эквивалент понятия стилистических или каких-то других помет, которые определяют "круг употребления слова", "разные стили или разные сферы употребления" [СУ 1934: XXV]. Аналогичным образом термин "употребление" (англ. *use, usage*, фр. *emploi* и т.п.) используется в других лексикографиях; см., например, [Longman 1990: F45; Robert 1967: XVI].

полоса сильных метелей) выделяется употребление 'о периоде какого-л. настроения, внутреннего состояния человека', с примером *На него находили порой целые полосы мизантропии* (Короленко. Мороз).

Следует обратить внимание на непоследовательность использования термина: "употребление" прилагательного считается несовместимым с каким-либо изменением его лексического значения, а для существительных смысловые приращения в разных употреблениях считаются допустимыми (ср. *вещи* = 'мебель', *крошка* = 'большая масса крошек', *полоса* = 'время существования какого-то настроения человека').

Задача данной работы состоит в том, чтобы сформулировать общее понятие употребления и продемонстрировать различия между лексемой и ее употреблением, с одной стороны, и двумя самостоятельными лексемами, с другой. Для этого мне понадобится представление о лексикографически существенных свойствах лексемы и понятие продуктивного правила.

К числу лексикографически существенных свойств лексемы относятся две группы свойств. Во-первых, это ее собственные свойства: семантика (толкование лексемы), ее прагматика (включая коннотации), синтактика (управление, специфичные для нее синтаксические конструкции и типы предложений, сочетаемостные особенности, правила взаимодействия ее значения со значениями граммем и других лексем в составе высказывания), коммуникативно-просодические особенности, морфологические формы и стилистические характеристики. Во-вторых, это ее парадигматические семантические связи – синонимы, антонимы, конверсивы, аналоги и разного рода дериваты, включая семантические и супплетивные.

Продуктивным правилом я буду называть операцию получения нового языкового объекта В из языкового объекта А, применимую всегда, когда для объекта А выполняется строго определенный и верифицируемый набор условий. А и В могут быть отдельными единицами языка, классами единиц, синтаксическими структурами и т.п. Примеры верифицируемых условий: объект А употреблен в такой-то грамматической форме, управляет такой-то предложно-именной группой, включает в свое значение такой-то семантический компонент, сочетается с такой-то лексемой или таким-то классом лексем, несет на себе главное фразовое ударение и т.п. Пример продуктивного правила: всякое существительное, обозначающее сосуд, может быть употреблено в значении 'количество вещества, способное поместиться в таком сосуде'; ср. *В бочке оставалось не меньше ведра воды, В ведро накапало не больше трех стаканов воды, Из кувшина вылилось чашки две молока* и т.п.

Продуктивность, понимаемая таким образом, противопоставлена не только непродуктивности, но и регулярности. Последняя имеет место тогда, когда объект В может быть получен из объекта А при определенной совокупности условий во многих, но не во всех случаях.

Понятие регулярности можно проиллюстрировать моделью образования безличных глаголов (*Мне поется, пишется, читается, говорится, работается, лежится, спится* и т.п. от соответствующих невозвратных глаголов, которая вызывала и до сих пор вызывает много споров. А.М. Пешковский, например, считал эту модель продуктивной. Он утверждал, что такую форму "можно образовать от каждого глагола, ...за исключением глаголов возвратных" [Пешковский 1956: 346]. Это мнение разделяли С.О. Карцевский, Л.А. Булаховский и другие авторитетные филологи, но далеко не все; хорошо известна, в частности, точка зрения В.В. Виноградова о том, что "производство безличной формы на -ся ограничено строго определенными семантическими условиями" [Виноградов 1947: 468]. Здесь не место входить в детали устройства этой необычайно сложной словообразовательной модели². Отмечу только, что в том виде,

² Проницательные соображения о ней см. в [Wierzbicka 1992: 406, 24–26] (то же в русском переводе – [Вежицкая 1996: 47, 67–68]), [Булыгина, Шмелев 1997: 32–33, 106–107]; см. также [Золотова 2000: 109], а из более ранних работ – [Veyrenc 1978: 246].

как она описана А.М. Пешковским, она не более чем регулярна³. Ни при каких обстоятельствах невозможны не только в узусе, но и в системе производные типа * (Мне) *знается* (*считается*, *уважается*, *приглашается*, *участвуется*, *замечается*, *присутствуется*, *прилетается*, *негодуется*) и т.п., не говоря уж о производных глаголах с названием животного или предмета в роли подлежащего⁴.

Слово "употребление" я буду использовать в двух разных смыслах – нетерминологическом (*употребление 1*) и терминологическом (*употребление 2*). Нетерминологическое использование слова можно проиллюстрировать примерами типа *авторское* (*оказиональное*) *употребление*, *Употребление формы МН в таких случаях невозможно*, *Сколько употреблений тире вы насчитали в этом рассказе Горького?* и т.п. Терминологическое значение слова "употребление" будет сформулировано ниже в виде определения, которое опирается на идею, впервые сжато изложенную в [Апресян 1997а: XXXII].

2. УПОТРЕБЛЕНИЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ПРИМЕРЫ

Отдельным употреблением 2 лексемы *Л* я буду называть такое ее употребление 1, в котором она отличается от прототипического значения *Л* по крайней мере двумя коррелирующими друг с другом собственными свойствами и которое может быть получено из прототипического значения с помощью продуктивного правила. В тех случаях, когда в число коррелирующих свойств входит семантика, можно говорить о семантическом правиле модификации словарного значения лексемы.

Лексема *ждать 1* (т.е. глагол *ждать* в своем основном значении) может быть истолкована следующим образом: 'зная или считая, что должно или может произойти некое событие, нужное субъекту или касающееся его, быть в состоянии готовности к нему и обычно находиться в том месте, где оно произойдет'. Ср. *Он ждал меня у ворот своей дачи*, *Знаешь, сколько я тебя здесь жду?* и т.п. Как показывает синтаксис приведенного толкования (а именно, открывающий его деепричастный оборот), указание на ментальное состояние субъекта образует пресуппозицию *ждать 1*, а указание на его готовность к какому-то событию и нахождение в каком-то месте – его ассертивную часть. Действительно, в высказывании типа *Он решил не ждать подхода основных сил* не отрицается его мнение, что основные силы подойдут; отрицается только, что он будет находиться там, где был, вплоть до подхода основных сил⁵.

В ряде случаев это прототипическое словарное толкование о с л а б л я е т с я до указания на внутреннюю готовность субъекта к определенной ситуации. Иными словами, снимается указание на место ожидания (см. [Зализняк 1992: 106–107]). Это происходит всякий раз, когда вторая валентность лексемы *ждать 1* насыщается

³ Относительно полные сводки семантических, синтаксических и иных ограничений, налагаемых на производящие глаголы внутри данного словообразовательного типа, содержатся в работе [Янко-Триницкая 1962: 212–225] и в недавней книге [Guiraud-Weber 1984: 193 и сл.].

⁴ В материалах М. Гиро-Вебер приводятся изолированные примеры типа *Коровам мычалося*, (*Собаке*) *не воет* и *не скулит*, (*Коню*) *не скачется* [Guiraud-Weber 1984: 195], но очевидно, что они допустимы в литературном языке только в случае персонификации.

⁵ Такое толкование лексемы *ждать 1*, с указанным распределением на пресуппозицию и ассерцию, было дано в работе [Апресян 1997б: 112]. В основных чертах оно совпадает с более формальным представлением семантической структуры этой лексемы, предложенным в работе [Зализняк 1992: 106]. На важность компонента 'быть в состоянии готовности (к данному событию)' указал в свое время А.К. Жолковский [Жолковский 1964: 89–90]. По-видимому, именно этому компоненту соответствует дескрипция состояния души и тела человека во время ожидания как особого "вида напряжения" в некоторых работах Б. Рассела; см. [Russell 1940: 223–224; Рассел 1957: 182]. Формулировка А.К. Жолковского представляется более точной. См. также [Timberlake 2000: 321].

придаточным предложением со значением времени или предикатным существительным в форме РОД, обозначающим событие, приуроченное к определенному моменту времени, или момент времени. Ср. *ждать, когда прозвучит рожок; ждать, пока не уберут со стола; ждать сигнала; Он всю жизнь ждал этой минуты*. Поскольку данный семантический сдвиг всегда коррелирует с определенным типом управления, можно сформулировать продуктивное правило его порождения. Объектом, на который воздействует правило, является словарное толкование лексемы *ждать* I, условием применения правила – тип управления, а результирующим объектом – ослабленное толкование. Иными словами, перед нами типичное употребление лексемы в определенном выше смысле.

Другое интересное употребление лексемы *ждать* I связано не только со снятием указания на место ожидания, но и с добавлением нового семантического компонента к ее словарному толкованию. Добавляемый компонент – ‘хотеть, чтобы нечто произошло’; ср. *Многие приходили ради скандала, но широкая студенческая публика ждала нового искусства, хотела нового слова* (Р. Якобсон. Будетлянин науки); *Блок ждал этой бури и встряски. / Ее огневые штрихи / Боязнь и жаждой развязки / Легли в его жизнь и стихи* (Пастернак. Ветер). Необходимым и достаточным условием этой семантической модификации является либо главное фразовое ударение на *ждать*, как в только что приведенных примерах, либо контекст наречий степени *очень, страшно, не больно* и усилительных частиц *как, так*. Ср. *Он очень вас ждал; Не больно-то он тебя ждет; – Ах, Олеся, — — Я так ждал, так ждал каждый вечер, что ты опять пойдешь со мною* (А. Куприн. Олеся); *Она [Даша] подняла к нему лицо с зажмуренными мокрыми ресницами: "Иван Ильич, милый, как я ждала вас"* (А.Н. Толстой. Хождение по мукам).

Глаголы *бросать, кидать* и *швырять* в своем основном значении управляют формой ВИН и предложно-именными группами или наречиями со значением направления или конечной точки; ср. *бросать {кидать, швырять} мешки в яму {на землю, под навес, через забор}*. В МАС'е для глаголов *бросать* и *швырять* под тем же самым значением и без знака | (т.е. не как употребление) приводится еще один вариант двойного управления: *бросать {швырять} чем во что*. Очевидно, что он свойствен и глаголу *кидать*; ср. *бросать {кидать, швырять} снежками в прохожих*.

Никаких других комментариев к этому значению в МАС'е не дается. Однако очевидно, что перечисленные глаголы при разных типах управления обладают разной семантикой. При управлении винительным падежом реализуется прототипическое значение (толкование) глагола, причем форма ВИН совместима с любым способом выражения валентности направления или конечной точки; ср. *бросать {кидать, швырять} что во что {на что, за что, под что, через что}*. Между тем мена винительного падежа на творительный порождает отчетливо ощутимое семантическое приращение: с формой ТВОР связывается представление о мишени, в которую человек пытается попасть, что в свою очередь связано с представлением о более энергичном взмахе руки при броске. При этом форма ТВОР соподчинима только с одной из пяти предложно-именных групп со значением направления или конечной точки, а именно, с группой *во что*, поскольку только она способна обозначать мишень.

Как легко видеть, корреляция между двумя свойствами глаголов – семантическими и синтаксическими – носит абсолютный характер: всякий раз, когда глагол употреблен в конструкции *чем во что*, он приобретает по сравнению со словарным толкованием семантическое приращение ‘энергично размахнувшись’ и ‘с целью попасть в какой-то объект’. С другой стороны, если требуется выразить именно эту мысль, следует выбрать управление вида *чем во что*. На этой основе можно сформулировать продуктивное формальное правило семантической модификации, с помощью которого из прототипического словарного толкования глагола получается указанный вариант значения. Поэтому не возникает необходимости выделять у глагола самостоятельное

лексическое значение вида 'бросать с размаха какой-нибудь объект с целью попасть им в какой-то другой объект'. Перед нами типичное употребление⁶.

В рассмотренных примерах особое употребление лексемы возникает в результате корреляции семантического сдвига с особенностью управления, просодии или сочетаемости. Подчеркну, что для выделения самостоятельного употребления лексемы вовсе не обязательно, чтобы в такой парной корреляции непременно участвовали ее семантические свойства, хотя, безусловно, наиболее важный случай именно таков. Основанием для фиксации отдельного употребления может быть корреляция между любыми двумя ее свойствами (за исключением, по-видимому, чисто фонетических), например, между грамматической формой, управляющим свойством, предпочитаемым типом предложения, особенностью сочетаемости, стилистической или жанровой характеристикой, прагматикой и т.п. Важно только, чтобы корреляция была абсолютной, т.е. чтобы всякий раз, когда имеет место одно свойство из числа названных, было бы налицо и другое, и наоборот. С этой точки зрения интересны три синонима глагола *запрещать* – *воспрещать*, *возбранять* и *заказывать*. Все они сохраняются в современном русском литературном языке только в отдельных употреблениях, причем в большинстве случаев – в формах СТРАД.

Глагол *воспрещать* сохраняется в современном языке во всех формах СТРАД (СОВ и НЕСОВ, возвратных и невозвратных) либо в перформативной функции (особенно в объявлениях, на вывесках, плакатах и т.п.), либо при воспроизведении разного рода правил и инструкций. В обоих случаях адресат, имплицитный или (реже) эксплицитный, имеет родовой статус, а субъект – обычно официальный представитель власти – неопределенный статус⁷. Ср. *Проезд воспрещен*; *Ходить по газонам воспрещается*; *Снаружи, на дверях, профессор крупно мелом написал: "Вход воспрещается"* (Вс. Иванов. Возвращение Будды); *Угрюмые фермеры молчаливым жестом указывали мне на надпись "Удиль воспрещается"* (В. Набоков. Другие берега); *Я совсем забыла, что курить в московском метро категорически воспрещается* (Ф. Незнанский. Ярмарка в Сокольниках); *Курить и плевать воспрещалось, но толкать кондуктора в живот, дышать ему в ухо и придирааться к нему без всякого повода, очевидно, не воспрещалось* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев). Все другие употребления *воспрещать* вытесняются из современного литературного языка в область архаизмов. Ср. устаревшие примеры *Марья Николаевна принадлежала к тем нежным матерям, которые воспрещать что-либо птенцам своим считают за какое-то святотатство* (А.Ф. Писемский. Вздоламученное море); *Нельзя же было воспретить отцу хоронить свое дитя* (Ф.М. Достоевский. Вечный муж); *Бородатые воспретили девкам петь* (Л. Леонов. Барсуки).

Глагол *возбранять* в большинстве современных толковых словарей не вполне справедливо квалифицируется как устаревший. У него сохранилось одно вполне живое употребление, в котором он имеет фиксированную грамматическую форму и требует определенного синтаксического типа предложений. Это форма СТРАД НЕСОВ, притом только возвратная, в отрицательных предложениях. Ср. *Никому не возбраняется выражать свою точку зрения, если она совпадает с точкой зрения начальства*; *Чихать никому и нигде не возбраняется* (А.П. Чехов. Смерть чиновника); *Сановито отдуваясь и стуча сапогами, он ушел, заявив на прощание, что больному не возбраняется также купаться в море и ездить на велосипеде* (И. Ильф, Е. Петров.

⁶ Отметим еще одну интересную корреляцию. В рассматриваемом употреблении глаголы *бросать*, *кидать* и *швырять* входят в гораздо более тесные синонимические отношения с глаголами *бросаться*, *кидаться* и *швыряться* (*снежками в прохожих*), чем при прототипическом управлении вида *бросать что куда*.

⁷ Многие из перечисленных свойств речевого акта "воспрещений" указаны в [Гловинская 1993: 188].

Золотой теленок), *Восторгаться природными качествами Крыма в ИПИ не возбранялось* (В Аксенов Остров Крым)

Просторечный глагол *заказывать*² сохраняется в современном литературном языке либо в отрицательно-модальных конструкциях вида *Никому не закажешь (делать что-л)* и *Никто ему не закажет (делать что л)*, либо в форме СТРАД СОВ, последним, в частности, он отличается и от *воспрещать* (любые видовые формы), и от *возбранять* (только возвратная форма НЕСОВ) Ср *Нет, мой друг, говори, что хочешь, про меня Никому не закажешь говорить* (А Островский [МАС]), – *Народ – молва, сударыня Никто ему говорить не закажет* (Мельников-Печерский [ССин]), *В нашу жизнь чужим вход заказан, Не заказано ветру свободному / Петь тоскливые песни в полях* (Н Некрасов [МАС])

Подчеркнут еще раз, что во всех трех случаях лексическое значение глагола остается неизменным, т.е. особое употребление лексемы создается корреляцией каких-то других, несемантических свойств⁸

До сих пор я рассматривал употребления, характерные для одной или нескольких лексем. Можно допустить, что именно этот случай представлен массовым лексикографическим материалом. Нельзя, однако, не обратить внимание и на ту теоретически и лексикографически более интересную ситуацию, когда особое употребление характеризует не одну лексему, а определенный класс лексем. При обзоре этого материала я ограничусь основным типом употреблений, связанным со сдвигом в значении лексемы. Такие употребления удобно систематизировать по семантическим признакам.

3. НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ УПОТРЕБЛЕНИЙ

3.1. Холистическая интерпретация.

Одним из наиболее хорошо изученных в современной семантике типов употребления глаголов является употребление, в котором они имеют так называемую холистическую интерпретацию (см. [Fraser 1971, Veyrenc 1976, de Groot 1984] и особенно [Levin 1993], с богатейшим материалом и дальнейшей обширной библиографией). Такая интерпретация характерна для двух типов глаголов со значением физического действия – глаголов со значением покрытия поверхности X предметом или веществом Y и глаголов со значением заполнения объема X предметом или веществом Y; ср *намазывать масло [X] на хлеб [Y] – намазывать хлеб [Y] маслом [X], закладывать кирпич [X] в дымоходы [Y] – закладывать дымоходы [Y] кирпичом [X]*, ср также *брызгать воду на цветы – брызгать цветы водой, заливать горючее в бак – заливать бак горючим, засыпать пшеницу в ясли – засыпать ясли пшеницей, нагружать мешки на телегу – нагружать телегу мешками, накачивать кислород в камеру – накачивать камеру кислородом и т.п.* На русском материале обе группы глаголов были подробно описаны в [Апресян 1974: 279 и сл.], и здесь достаточно будет привести одно толкование с правилом семантической модификации:

(а) *Закладывать X в Y* = 'класть предмет(ы) X или какое-то вещество X внутрь объемного предмета Y'

(б) *Закладывать Y X м* = 'класть предмет(ы) X или какое-то вещество X внутрь объемного предмета Y в таком количестве, что X занимает весь существенный для данной ситуации объем Y-а'

Все остальные входящие в данный класс глаголы толкуются, с точностью до genus proximum (ср. 'класть' VS 'лить' VS 'сыпать' для глаголов *закладывать, заливать* и

⁸ Ср., в отличие от приведенных выше примеров, фразему *Путь заказан (кому л куда-л)*, в которой глагол *заказать* претерпевает семантический сдвиг в сторону 'закрывать доступ (кому л куда-л)', ср. *Столичная штучка, бывший замначальника центрального отдела должен был прозябать на должности рядового участкового. Выбирать не приходилось: путь в Москву был ему пока заказан* (МК 16.02.2001)

засыпать), совершенно идентичным образом. При переходе от глаголов со значением заполнения объема к глаголам со значением покрытия поверхности эти толкования претерпевают два системных сдвига: 'внутри объемного предмета' $\Rightarrow$ 'на поверхность предмета', 'весь объем' $\Rightarrow$ 'всю поверхность'. Другие элементы толкования, если не считать деталей, отражающих особенности лексического значения корня, остаются прежними.

Как видно из приведенных толкований, при переходе от (а) к (б) происходит мена диатезы (второй и третий актанты исходной модели управления меняются местами), сопровождаемая следующим кванторным семантическим приращением: 'в таком количестве, что X занимает в е с с существенный для данной ситуации объем Y-а (в с ю существенную для данной ситуации поверхность Y-а)'. Это приращение остается инвариантным для всех глаголов со значением заполнения объема или покрытия поверхности. Поскольку мена диатезы с неизбежностью влечет приращение кванторного смысла, есть все основания трактовать ее как особое употребление глагола.

3.2. Намеренность – ненамеренность.

У глаголов *порезать*, *поцарапать*, *поранить*, *уколоть* и других подобных инструментальная валентность выражается двумя различными способами: формой ТВОР и предложно-именной группой *о + ВИН*. Ср. *порезать (поранить, поцарапать) руку осколком стекла, уколоть палец иголкой* VS *порезать (поранить, поцарапать) руку о стекло, уколоть палец об иголку*. Между этими альтернативными типами управления есть следующие семантические различия: (а) в случае ТВОР инструмент подвижный, свободно манипулируемый, в случае *о + ВИН* – стационарный, (б) в случае ТВОР действие намеренное или ненамеренное, в случае *о + ВИН* – всегда ненамеренное. Ср. *Потом он уколол палец булавкой и расписался на бумажке кровью* (В Каверин Два капитана), *Тальберг уколол обоих братьев щетками черных подстриженных усов* (М Булгаков Белая гвардия); *Проводя по поверхности двери рукой, он уколол палец о дощечку, расщепленную пулей* (В Каверин Девять десятых судьбы). Те же эффекты имеют место и для всех остальных упомянутых здесь глаголов.

Противопоставление нестационарности – стационарности нельзя локализовать в глаголе. В нем представлены существенные части значений самих управляемых форм. Форма ТВОР в инструментальном значении всегда обозначает свободно манипулируемый инструмент. Что касается предложно-именной группы *о + ВИН*, то она в таких случаях выражает не чисто инструментальное, а синкретичное объектно-инструментальное значение и всегда обозначает стационарный объект.

Наоборот, противопоставление намеренности – ненамеренности следует локализовать именно в глаголе. Дело в том, что форма ТВОР сама по себе вполне совместима с идеей ненамеренности действия (ср. *поранить себе руку ножом*), а предложно-именная группа *о + ВИН* вполне совместима с идеей намеренности действия, ср. *вытирать руки о полотенце, точить нож о камень, почесать спину о забор*. Иными словами, мена канонической управляемой формы ТВОР на предложно-именную группу *о + ВИН* при глаголах *порезать*, *поцарапать*, *поранить*, *уколоть* и т.п. всегда вызывает семантический сдвиг в значении самих глаголов и порождает, следовательно, особое употребление внутри их главного лексического значения.

3.3. Достоверность – мнимость.

С этой точки зрения интересна группа лексем, в значение которых входит указание на возможность несоответствия ментального образа чего-то и действительного положения дел. Таковы, в частности, глаголы *казаться*, *слышаться* и *чудиться*. Они могут употребляться в тематической части высказывания и тогда допускают значение достоверности ментального образа, ср. *Ей показалось, что за дверью кто-то есть, и подойдя ближе, она услышала тяжелое дыхание, Он уже засыпал, когда ему послы*

шался какой-то звук в коридоре; действительно, кто-то возился с дверным замком; И дважды опять-таки почудилось финдиректору, что потянуло по полу гнилой малярной сыростью (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [действительно потянуло].

У всех таких слов есть и второе употребление, когда они обозначают мнимый образ, не имеющий никакого прообраза в реальном мире. Если исключить высказывания говорящего о самом себе в момент речи, т.е. с местоимением 1-Л и глаголом в форме НАСТ, то значению мнимости образа способствует положение синонима в р е м е высказывания под главным фразовым ударением, особенно в сочетании с частицами *только, просто и лишь* или в контексте слов со значением возможности, вероятности, достоверности и т.п. Ср. – *Чего вы кипятитесь? Ну? Ведь ничего же нет. Это ↓кажется вам* (Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Или мне так только ↓кажется? Может, я не разбивал, а только ↓кажется, что разбил?* (Вен. Ерофеев. Москва–Петушки); *Может быть, нам только ↓кажется, что мы существуем, а на самом деле нас нет* (Чехов. Три сестры); – *Ба-а-а-тюшки! – провyla баба на чердаке или так только ↓послышалось* (Чехов. По делам службы); *Должно быть, ↓послышалось; Возможно (может быть, вероятно, надо думать, скорее всего, действительно) ↓почудилось; – Могло ↓почудиться, ваше превосходительство, – урезонивал его малоермолаевский сельский староста* (Б. Пастернак. Доктор Живаго)⁹.

3.4. Прямое – косвенное указание величины.

Параметрические существительные типа *высота, глубина, длина, скорость, температура, ширина* и т.п. двухвалентны. Их первая валентность заполняется именем предмета или процесса, которому присущ данный параметр: *высота Джомолунгмы, глубина Мариинской впадины, скорость пули (стрельбы), температура воды (плавления)*. Вторая валентность в прототипическом случае насыщается указанием точного значения параметра: *высотой в 8 846 метров, глубиной в 11 022 метра, со скоростью два километра в секунду, при температуре в 40 градусов*.

Для некоторых существительных этого класса возможен и менее стандартный, косвенный способ выражения второй валентности – через указание другого предмета, который характеризуется данным параметром и у которого он имеет фиксированное и обычно хорошо известное значение. Ср. (а) *Мы поднимались на Джомолунгму и были уже на высоте Монблана*, (б) *Никакой материальный объект не может лететь со скоростью света*, (в) *Даже при температуре плавления вольфрама этот сплав сохраняет твердость* и т.п. В таких высказываниях *высота Монблана* обозначает не высоту самого Монблана, а высоту какого-то другого объекта, равную высоте Монблана, т.е. ≈4 800 метрам. Точно так же в высказываниях (б) и (в) речь идет не о скорости самого света или температуре плавления вольфрама, а о скорости, равной скорости света (300 000 км/сек) и температуре, равной температуре плавления вольфрама (3 380 градусов по Цельсию). Этот способ реализации второй валентности параметрического существительного создает синтаксическую и смысловую омонимию, похожую на омонимию классического субъектно-объектного типа, ср. *amor patriis, поддержка президента* и т.п.

Как ясно из сказанного, когда слово *Монблан* (или другое ему подобное) запол-

⁹ Ср. несколько иное описание коммуникативно-просодических свойств глагола *казаться* в [Зализняк 1992: 142]. Необходимость выделения в особую группу высказываний с местоимением 1-Л и глаголом в форме НАСТ с референцией к моменту речи вытекает из их семантической противопоставленности высказываниям с местоимениями 2-Л и 3-Л или глаголом в форме ПРОШ: *Это тебе ↓кажется* (ты ошибаешься) VS. *Мне так ↓кажется* (Я настаиваю на своем мнении). Осмысление высказываний последнего типа как утверждающих ложность представлений говорящего о действительности приводит к самофальсификации, что, по определению, невозможно.

няет вторую валентность соответствующего параметрического существительного, это сопровождается приращением смысла 'равный высоте (скорости, температуре плавления) чего-то'. Налицо корреляция синтаксического и семантического свойств, т.е. особое употребление лексемы в определенном выше смысле.

Близкий тип употреблений представлен двухвалентными категориальными существительными со значением способа и свойства: *манеры, походка, почерк, стиль; вкус, запах, форма, цвет*; и т.п. Канонический способ выражения первой валентности таких слов – существительное в форме РОД; ср. *манеры* {походка} *Ивана*, *форма* {цвет} *кленового листа*. Канонический способ выражения второй валентности – согласованное определение, ср. *аристократические манеры, расхлябанная походка, квадратная форма, темно-малиновый цвет*. Однако вторая валентность может выражаться и менее канонически – существительным в форме РОД со значением человека или предмета, у которых определенное свойство выражено настолько хорошо, что они могут рассматриваться как его эталон; ср. *У него были манеры аристократа, У нее было платье цвета граната*.

Иными словами, словосочетания типа *манеры аристократа, походка кавалериста, почерк первоклассника, стиль Людовика XIV, вкус горького миндаля, запах серы, форма квадрата, цвет граната* тоже омонимичны. Ср. *манеры аристократа* = (а) 'манеры этого аристократа', (б) 'манеры какого-то человека, похожие на манеры аристократа'; *цвет граната* = (а) 'цвет этого граната', (б) 'цвет какого-то предмета, похожий на цвет граната'. При этом типы омонимии у параметрических и категориальных существительных совпадают с точностью до интерпретации зависимой именной группы. У слов *высота, скорость, температура* и т.п. она интерпретируется как обозначающая меру, а у слов *манеры, почерк, вкус, цвет* и т.п. – как обозначающая качество. Очень похожи и семантические приращения, которые возникают при выражении второй валентности "омонимичным" способом: там – 'равный высоте {скорости, температуре того-то}', здесь – 'похожий на манеры {походку, вкус, цвет} того-то'.

Единственное существенное и интересное в данном контексте различие состоит в том, что при реализации второй валентности неканоническим способом в словосочетаниях типа *манеры аристократа, почерк первоклассника, запах серы, цвет граната* и т.п. подчиненное существительное, если это не имя собственное, всегда используется в родовом статусе. Между тем когда такое же существительное реализует первую валентность, оно может иметь и конкретно-референтный, и родовый статус. Тем самым у категориальных существительных особое употребление создается корреляцией не двух, а сразу трех свойств – синтаксического способа реализации второй валентности, смыслового наращения и референциального статуса.

3.5. Каузатив обслуживания.

Рассмотрим словосочетания типа *делать массаж* {маникюр, прическу}. Они употребляются в двух основных типах конструкций: агентивной конструкции вида *Х делает массаж Y-у*, с бенефактивным дательным, и в каузативной конструкции *Y делает массаж у X-а*, где Y выступает одновременно и в активной роли каузатора ситуации 'X делает массаж Y-у', и в пассивной роли объекта воздействия, пациенса. Во второй конструкции к прототипическому значению глагола *делать* (Р) добавляется каузативное значение вида = 'Y делает так, что X делает ему Р в порядке его обслуживания'.

Хотя для словосочетаний второго типа словари не выделяют у глагола *делать* ни употреблений, ни оттенков значения, ни самостоятельных значений, феномен "каузатива обслуживания" им в принципе известен. Так, у глаголов *печатать* и *шить* в словосочетаниях типа *печатать статью у Горького* {в журнале} и *шить платье у модного портного* {в ателье} БАС выделяет особые значения 'помещать что-л. в печати; публиковать, издавать' и 'заказывать одежду где-л., у кого-л.'. МАС усматривает в обоих случаях оттенки значения, БТС – самостоятельные значения; в СО и СОШ

речение *шить платье в ателье* дается под основным значением, но сопровождается пояснением "по заказу", а у *печатать* усматриваются два разных значения.

Ср. еще глаголы *бриться* и *стричься* в парах фраз *Отец до сих пор бреется простой бритвой – Отец всегда бреется в парикмахерской напротив, Он стрижется сам – Он стрижется в парикмахерской напротив*. Мы не случайно выбрали из массы материала именно эти два примера: они отражают разную степень сформированности "каузатива обслуживания" у разных глаголов. *Бриться*, в силу очевидных прагматических факторов, реже употребляется в функции "каузатива обслуживания", чем в агентивном значении, хотя никаких собственно языковых причин для этого предпочтения нет. *Стричься*, наоборот, в силу столь же естественных прагматических факторов употребляется почти исключительно в этой функции.

Колебания и непоследовательности в лексикографической трактовке этого материала приобретают еще больший размах. МАС толкует *бриться* как 'брить себя', без оттенков, и дает пример только на агентивное употребление: *Моряк долго брился. Стричься* тоже получает агентивное толкование 'стричь себе волосы', которое, однако, сопровождается типичным примером на "каузатив обслуживания": *стричься у парикмахера*. В БАС'е у *бриться* в значении 'брить себя' выделяется оттенок значения для примеров типа *бриться в парикмахерской*, где у *бриться* усматривается форма СТРАД (sic!); *стричься* трактуется как в МАС'е. В СО и СОШ *бриться* и *стричься* даются в словарных статьях переходных невозвратных глаголов с пометой "возвр." и без каких-либо других пояснений.

По-видимому, общее решение вопроса о "каузативе обслуживания" невозможно без тщательного обследования большого и очень разнородного материала. Однако уже сейчас можно предположить, что в примерах типа *делать массаж у кого-л.*, с которых мы начали этот короткий обзор, представлено особое каузативно-пассивное употребление глагола, формируемое корреляцией между меной модели управления и указанным выше семантическим сдвигом.

*

Итак, мы рассмотрели несколько случаев парных корреляций между различными свойствами лексем, которые порождают особые их употребления. Очевидно, что границы между значением и употреблением лексемы, с одной стороны, и двумя разными значениями слова, с другой, не могут быть во всех случаях идеально четкими. Главное свойство языка – непрерывность его семантического пространства, которая, впрочем, не исключает того, что на определенных участках в нем могут быть большие лакуны (свойство "дырчатости" семантического пространства). Возникает вопрос, есть ли у лексикографа принципиальные основания для решения вопроса о том, в каких случаях он имеет дело с употреблением слова в пределах того же значения, а в каких – с двумя (или более) разными значениями слова. Ответ, как и всегда в таких случаях, может быть только относительным: в ряде случаев вопрос решается вполне однозначно, в других случаях амбивалентность сохраняется, и тогда разумнее всего выделять особую промежуточную область смазанных употреблений.

4. ОТ УПОТРЕБЛЕНИЯ К ЛЕКСЕМЕ

Лексема во всей лексикографически существенной совокупности своих свойств почти никогда не выводится из какой-то другой лексемы данного слова с помощью продуктивного правила. В этом состоит ее главное отличие от употребления; именно оно вызывает необходимость ее самостоятельной фиксации в словаре. При этом отнюдь не исключается, что между двумя самостоятельными лексемами могут существовать мотивированные и весьма регулярные связи; ср. феномен регулярной многозначности.

В большинстве случаев самостоятельная лексема обнаруживает еще два отличия от употребления.

Во-первых, число ее собственных лексикографически существенных свойств гораздо больше. В то время как для употребления достаточно двух коррелирующих друг с другом свойств, у лексемы как объекта лексикографического описания таких коррелирующих свойств может быть до десятка. К ним относятся толкование, прагматика, управление, характерные синтаксические конструкции и типы предложений, разные виды сочетаемости, правила взаимодействия со значениями грамем и других лексем в составе высказывания, коммуникативно-просодические особенности, морфологические ограничения, стилистические особенности и т.п. Иными словами, лексикографически лексема предстает как большой пучок корреляций.

Во-вторых, каждая отдельная лексема обрастает большим числом парадигматических семантических связей, образующих ее неповторимый лексический мир, – синонимами, антонимами, конверсивами, дериватами и т.п.

Названные свойства самостоятельных лексических значений были предметом теоретического рассмотрения в других работах автора [Апресян 1999; 2000], и здесь я ограничусь двумя примерами.

4.1. Глагол *ждать*.

Выше было описано первое (основное) значение глагола *ждать* (кого-л. где-л.) и два его особых употребления в том же значении. В МАС'е внутри первого значения выделяется, кроме того, некий оттенок значения, формулируемый следующим образом: 'рассчитывать на приход, прибытие, появление и т.п. кого-чего-л. или совершение чего-л.' Примеры: *ждать писем от кого-л.*, *ждать кого-л. к чаю*; – *Я жду и вас, – продолжал он, обращаясь ко мне, – жду непременно* (А.С. Пушкин. Выстрел). Второе значение *ждать* формулируется в МАС'е так: 'надеяться на что-л., предполагать что-л.' Примеры: *От церкви не могу я ждать пощады* (А.К. Толстой. Дон Жуан); *Вопросов она уж мне не задает, как будто --- не ждет услышать ничего нового* (А.П. Чехов. Скудная история); *Он ждал, что после окончания доклада командир соединения разнесет его --- за аварию* (Б. Лавренев. Подвиг).

Уже здесь возникают вопросы, на которые МАС не дает ответа: почему словосочетания *ждать писем от кого-л.* и *ждать пощады от кого-л.* отнесены к двум разным значениям? Чем, кроме синтаксиса, *ждать Ивана к чаю* отличается от *ждать, что Иван придет к чаю*?

Ниже мы постараемся показать, что "оттенок" первого значения является скорее частью второго значения и вместе с ним отличается от первого значения настолько существенно, что может быть описан только в составе лексемы *ждать 2*.

Лексема *ждать 1*, с некоторыми оговорками, может быть отнесена к классу предикатов со значением местонахождения, физического пребывания где-л. Ментальный предикат 'считать', тоже входящий в ее толкование, – всего лишь пресуппозиция *ждать 1*. Между тем лексема *ждать 2* относится к классу предикатов со значением ментального состояния, потому что у нее примитив 'считать' образует вершину ассерции: *ждать 2, что P* = 'считать, что в относительно близком будущем произойдет P'¹⁰. Как видно из этого толкования, пресуппозиция лексемы *ждать 1* почти в полном составе превращается в ассерцию лексемы *ждать 2*, у которой собственной пресуппозиции нет.

В результате оказывается, что в роли *genus proximum* ассертивных частей толкований *ждать 1* и *ждать 2* выступают такие разные смыслы, как 'находиться' и

¹⁰ Близкие к 'считать' смыслы 'рассчитывать' и 'надеяться', используемые в качестве *genus proximum* в толкованиях МАС'а, на самом деле несколько богаче, чем требуется для толкования лексемы *ждать 2*. Очевидно, что в примерах типа *Он ждал, что его разорвут на части (раскритикуют в пух и прах) (но ничего такого не случилось)* человек ни на что не рассчитывает и не надеется. Для толкования *ждать 2* нужен именно примитив 'считать'.

‘считать’. Они не могут быть получены друг из друга по каким-либо продуктивным общим правилам и поэтому сами по себе составляют важный аргумент в пользу разграничения лексических значений. Правда, он не является решающим, потому что *ждать 1* не является предикатом местонахождения в чистом виде. Как было показано выше, по крайней мере в двух случаях его значение ослабляется до указания на готовность субъекта к какому-то событию – безотносительно к тому, где субъект находится. Поэтому нужны и другие аргументы в доказательство того, что МАС'овский “оттенок значения” является самостоятельным значением, идентичным второму значению глагола *ждать*.

Эти аргументы связаны с различием собственных свойств и семантических связей гипотетических лексем *ждать 1* и *ждать 2*. Большинство, а может быть, и все специфические свойства и связи этих двух лексем мотивированы центральной семантической оппозицией, которая их характеризует, а именно, оппозицией смыслов ‘находиться’ и ‘считать’. Мы перечислим лишь некоторые из этих специфических свойств, потому что полная сводка заняла бы слишком много места.

Морфологическая семантика. Лексема *ждать 1*, как и прочие предикаты положения в пространстве (*находиться, стоять, сидеть, лежать, висеть* и т.п.), хорошо сочетается с актуально-длительным значением НЕСОВ; ср., кроме приведенного выше примера, фразы типа – *Что там за толпа? – Видимо, ждут прибытия автобусов с детьми (выхода президента)*. Эта семантическая особенность проявляет себя и за пределами собственно морфологической семантики. В частности, она мотивирует сочетаемость лексемы *ждать 1* с обстоятельствами длительности типа *долго, недолго, два часа*, и т.п., с одной стороны, и ее способность к образованию пердуративного способа действия, с другой; ср. *Долго ты меня ждал? Я прождал тебя целых два часа*.

Фразы типа *Я жду вас завтра, Он ждал меня к обеду*, реализующие лексему *ждать 2*, принципиально не могут быть осмыслены в актуально-длительном значении, потому что вершинный смысл толкования *ждать 2* – путативный предикат *считать* – неспособен к такому употреблению. По той же причине лексема *ждать 2* не сочетается с обстоятельствами длительности и не образует пердуративного способа действия; ср. неправомерность **Я долго жду вас завтра, *Он прождал меня к обеду*.

Синтаксические свойства. Как было сказано выше, вторая валентность лексемы *ждать 1* может насыщаться придаточным предложением со значением времени, вводимым союзами *когда* и *пока не*; ср. *Они ждали, когда прозвонит звонок* и тому подобные примеры. Для лексемы *ждать 2* такое управление невозможно. В свою очередь, ее вторая валентность может насыщаться инфинитивом и придаточным предложением, вводимым союзом *что*; ср. приведенные выше примеры *Он не ждал услышать ничего нового [не считал, что услышит], Он ждал, что после окончания доклада командир соединения разнесет его за аварию [считал, что разнесет]*. Эти типы управления совершенно исключены для лексемы *ждать 1*.

Лексема *ждать 1* допускает абсолютное употребление, для которого тоже характерно снятие указания на место ожидания; ср. *Есть грозный суд: он ждет; / Он не доступен звону злата* (Лермонтов. Смерть Поэта); *То ли дождь идет, то ли дева ждет. / Запрягай коней, да поведем к ней* (Бродский. Песня). Для лексемы *ждать 2* такое употребление совершенно исключено. Вершинным предикатом в ее толковании является путативный глагол *считать*, для которого вторая валентность, а именно, валентность содержания мнения, обязательна не только семантически, но и синтаксически.

Еще одно синтаксическое различие между лексемами *ждать 1* и *ждать 2* связано с их поведением в отрицательных предложениях. *Ждать 1* используется в них с относительной свободой только в формах инфинитива и причастия; ср. *По-видимому, он решил не ждать вас; Он не будет (не станет, не сможет ждать вас); Не понять не*

ждавшим им, / *Что среди огня / Ожиданием своим / Ты спасла меня* (Симонов. Жди меня). Что касается личных форм, то они возможны под отрицанием только в следующих трех случаях: а) при неопределенном субъекте (*Никто меня там не ждал*); б) когда отрицается не самый факт ожидания, а какое-то сопутствующее ему обстоятельство, названное в подчиненной глаголу группе (*Он никогда не ждал меня на условленном месте*); в) в полемическом контексте, когда имеет место не значение чистого отрицания, а значение опровержения (*– Простите, что заставил вас ждать. – Я совсем не ждал вас, я сам только что пришел*).

Между тем для лексемы *ждать* 2 как раз типично использование в личной форме в нейтральных общепризнаваемых предложениях. Ср. *Я не жду вас раньше четырех, Вот уж не ждали!* и т.п.

Правила взаимодействия значений в словосочетаниях. Во фразах типа *Я ждал тебя три часа, Я ждал тебя в саду* именные группы со значением времени и места характеризуют действие с у б ъ е к т а ожидания и семантически связываются с вершинными компонентами толкования лексемы *ждать* 1 ('был в состоянии готовности три часа' или 'находился в саду'), т.е. имеют обычную внешнюю сферу действия.

Во фразах типа *Я ждал тебя завтра, Я жду тебя к обеду* именные группы со значением времени, насыщающие валентность срока, имеют, как показал И.М. Богуславский, "внутреннюю сферу действия": они характеризуют действие о б ъ е к т а ожидания и семантически связываются не с вершинным компонентом толкования лексемы *ждать* 2, т.е. не с компонентом 'считать', а с "вложенным" компонентом вида '(прибытие) п р о и з о й д е т завтра (ко времени обеда)' (см. [Богуславский 1996: 103–105])¹¹.

Похожим образом можно объяснить способность лексемы *ждать* 2 сочетаться с модальными наречиями типа *обязательно, непременно*; ср. приведенный выше пример из Пушкина *Я жду и вас, --- жду непременно*, где допустимо и наречие *обязательно*. Оба наречия имеют внутреннюю сферу действия, т.е. присоединяются не к вершинному предикату 'считаю', а к вложенному предикату '(нечто) произойдет'. Этот предикат проспективен и поэтому легко сочетается с проспективными модальностями *обязательно* и *непременно*.

Коммуникативно-просодические свойства. Для лексемы *ждать* 1 характерны фразово безударные обстоятельства времени, входящие в тематическую часть высказывания. В высказываниях типа *Я вчера ждал вас*, произнесенных с нейтральной просодией, наречие фразово безударно, а главное фразовое ударение падает на лексему *ждать* 1, которая тем самым оказывается ремой высказывания. Тематичность обстоятельств времени в таких случаях подчеркивается тем, что они могут выноситься в начало предложения и выполнять функцию детерминантов, особенно если в предложении есть какое-либо другое обстоятельство; ср. *Вчера я ждал вас с восьми часов вечера (больше двух часов, у аптеки, на обычном месте)*.

Для высказываний с лексемой *ждать* 2 характерно обратное распределение коммуникативно-просодических функций, особенно когда у *ждать* 2 реализуется валентность срока; ср. *Я ждал вас завтра (через два дня)*. Здесь глагол *ждать*, как это характерно для других путативных предикатов (*считать, думать (что), полагать* и т.п.), фразово безударен и входит, следовательно, в тематическую часть высказывания, между тем как наречие фразово ударно и образует рему высказывания.

Прагматические свойства. Лексема *ждать* 2 в форме 1-Л НАСТ способна к полуперформативному употреблению. Фраза типа *Я жду и вас* равносильна приглашению. Для лексемы *ждать* 1 такое употребление исключено.

¹¹ Понятие внутренней сферы действия позволило И.М. Богуславскому непринужденно объяснить семантическую неаномальность внешне парадоксальных примеров, в которых глагол в форме ПРОШ сочетается с наречием "будущего времени" типа *завтра*.

Семантические связи. Ближайшим синонимом *ждать 1* является глагол *дождаться*; ср. *Я заткнул за пояс пистолет и вышел. Она дожидалась меня на краю спуска* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени). Ср. также *подждать*, *выждать* и такие фразеологические синонимы, как *считать дни*, *ждать не дожидаться*. Ближайшим синонимом *ждать 2* является лексема *ожидать 1*; ср. *Он не ожидал (не ждал), что получит такой яростный отпор*.

У *ждать 1* есть неточные конверсивы *томить*, *манежить* = 'заставлять ждать'; у *ждать 2* никаких конверсивов нет.

От *ждать 1* образовано (сложно-)производное прилагательное *долгожданный*; от *ждать 2* образовано производное прилагательное *нежданный*. Ср. также образованные от *ждать 1* производные глаголы *заждаться*, *обождать*, *подождать*, *переждать* и *прождать* – при полном отсутствии такого рода производных у *ждать 2* (о производном *прождать* см. также выше).

Итак, и по своим собственным свойствам, и по своим парадигматическим семантическим связям в словаре *ждать 1* и *ждать 2* предстают как хорошо оформленные самостоятельные лексемы.

4.2. Глагол *встречать*.

В этом разделе будет продемонстрирована возможность использования косвенных свидетельств в пользу разграничения лексических значений слова – в данном случае "намеренного" и "ненамеренного" значений глагола *встречать*. Ср. *Родителей, встречающих катер из "Артека", просят пройти на причал (встречать 1, "намеренное")* и *Вчера в Большом театре я встретил вашу жену (встречать 2, "ненамеренное")*. Эти два значения выделяются в качестве самостоятельных во всех толковых словарях русского языка. Поэтому ниже можно будет сосредоточиться не столько на необходимости их разграничения, сколько на характере привлекаемых для этого аргументов.

Семантика. *Х встречает 1 Y-а в Z-е в T_i* = 'Человек X знает или считает, что человек Y должен прибыть в место Z во время T_i; X хочет войти в контакт с Y-м; X прибыл в Z в момент T₀, предшествующий T_j [пресуппозиции]; во время T_i, предшествующее T_j и следующее за T₀, X находится в Z-е с целью войти в контакт с Y-м сразу после его прибытия в Z [ассерция]'.

Х встретил 1 Y-а в Z-е в T_j = 'X встречал Y-а в Z-е в T_i; в момент T_j, следующий за T_i, X установил контакт с Y-м'.

Как следует из этих толкований, значение формы НЕСОВ лексемы *встречать 1* целиком входит в значение формы СОВ в качестве пресуппозиции последней. Иными словами, у *встречать 1* форма НЕСОВ семантически проще, чем форма СОВ, и поэтому именно она должна служить входом для толкования.

У лексемы *встречать 2* дело обстоит прямо противоположным образом: семантически более простой и, следовательно, лексикографически исходной является для нее как раз форма СОВ.

Х встретил 2 Y-а в Z-е = 'Человек X шел куда-л. через место Z или находился в месте Z; неожиданно для него произошло то, что он вошел в контакт с человеком Y, который был или оказался в этом месте'.

Встречать 2 – моментальный глагол, поэтому ни в актуально-длительном, ни в других процессных значениях формы НЕСОВ он не употребляется; все значения формы НЕСОВ производны от значения СОВ.

Встречать 1 семантически сближается с глаголами *встречаться 1*, *(с)видеться*, *увидеться*, *повидать*, *повидаться*, *навещать*, *посещать* и с существительным *свидание*. *Встретить 2* семантически сближается с глаголами *повстречать*, *повстречаться*, *встретиться 2*, *столкнуться*, *натолкнуться*.

Совокупность указанных различий в толкованиях, морфологической семантике и

семантических связях лексем *встречать 1* и *встречать 2* – прямое свидетельство в пользу их разграничения. Однако есть и косвенные свидетельства принципиальных различий между ними. Они связаны не с самими этими глаголами, а с производными от них существительными, т.е. лексемами *встреча 1* и *встреча 2*.

Синтаксические свойства. Объектная валентность лексемы *встреча 1* (имени действия от *встречать 1*) заполняется именной группой в форме РОД, а та же валентность лексемы *встреча 2* (имени события от *встречать 2*) – предложно-именной группой вида с кем-л. Ср. *Во время встречи 1 американского президента в аэропорту были предприняты беспрецедентные меры безопасности VS. Неожиданная встреча с моим бывшим начальником в аэропорту оставила у меня неприятный осадок.*

Сочетаемость Те же отглагольные существительные обнаруживают значительные различия в сочетаемости с лексико-функциональными глаголами семейства OPER-FUNC. Ср. *устроить (организовать) встречу 1, расстроить (сорвать) встречу 1, Встреча 1 состоялась.* Для *встречи 2* ни одно из этих словосочетаний невозможно; ср. нейтральное *Встреча произошла*, которое может соответствовать и *встрече 1*, и *встрече 2*.

Существительное *встреча 1*, как и исходный для нее глагол *встречать 1*, обозначая действие, легко сочетается с временным предлогом *во время* (см. пример выше). Для существительного *встреча 2*, обозначающего событие, такое сочетание невозможно.

Различия в синтаксических свойствах и сочетаемости существительных *встреча 1* и *встреча 2* бросают ответ и на исходные глаголы *встречать 1* и *встречать 2* и укрепляют доказательную базу в пользу их разграничения.

5. ЗНАЧЕНИЕ ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЕ?

Этот вопрос интересно рассмотреть на материале глаголов *заставлять*, *вынуждать*, *принуждать* и уходящ. *понуждать*. Их главное, агентивное значение (с целенаправленно действующим субъектом в роли подлежащего) можно истолковать следующим образом:

Х заставляет 1 (вынуждает 1, принуждает 1, понуждает 1) Y-а сделать Р = ‘человек Х воздействует на человека Y так, чтобы Y, который не хочет делать Р, не мог этого не сделать’. Ср. *Захотев такую квартиру, Валентина Игнатьевна полгода давила на Климова, заставляла его хлопотать и в конце концов выхлопотать трехкомнатную, с кухней в одиннадцать квадратных метров* (Ю. Гончаров. Инженер Климов); *Сотрудники армейской контрразведки вынуждали его сына сознаться в совершении умышленного преступления, обещая смягчить наказание* (ИТАР–ТАСС Экспресс. 1996, вып. 34); *Принуждать людей к изучению того, что они знать не желают, ничего путного дать не может* (Уппсальский корпус); *В ходе настоящей проверки он --- пытался увести от ответственности виновных, понуждал коммунистов давать ложные объяснения* (Уппсальский корпус).

У всех четырех глаголов есть близкое к агентивному причинное значение (с названием какого-то явления, события, действия, состояния в роли подлежащего), которому можно дать следующее толкование:

Х заставляет 2 (вынуждает 2, принуждает 2, понуждает 2) Y-а сделать Р = ‘Фактор Х является причиной того, что человек Y, который не хочет делать Р, не может этого не сделать’¹². Ср. *Мысль об этом загадочном бессмертии заставила его похолодеть на солнце* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Таковы обстоя-*

¹² Детальное описание синонимии и многозначности этих глаголов в обоих выделенных значениях см. в [Апресян 2001].

тельства, вынудившие меня, не дожидаясь старости, взяться за эту книгу (А. Дмитриев. Закрытая книга); *Магистр по их следам вторгнулся в русские владения, опустошил их, но болезнь принудила его возвратиться* (С.М. Соловьев. История России с древнейших времен); *Что же понуждает писателя к его подчас мучительному, но прекрасному труду? Прежде всего зов сердца* (Паустовский. БАС)¹³.

На первый взгляд кажется, что второе значение можно трактовать как особое употребление лексем *заставлять 1*, *вынуждать 1* и т.д. Действительно, имеет место корреляция двух свойств – сочетаемостного и семантического: (а) *заставлять 1*, *вынуждать 1* и т.д. сочетаются с названием человека в функции подлежащего, а *заставлять 2*, *вынуждать 2* и т.д. – с названием фактора в той же функции; (б) семантическому компоненту ‘человек X воздействует на человека Y так, чтобы Y сделал что-то’ в толковании *заставлять 1*, *вынуждать 1* и т.д. соответствует компонент ‘фактор X является причиной того, что человек Y делает что-то’ в толковании *заставлять 2*, *вынуждать 2* и т.д.

Это впечатление обманчиво. Различия между *заставлять 1* и *заставлять 2* (а также *вынуждать 1* и *вынуждать 2* и т.д.) настолько многообразны и настолько глубоки, что все такие пары должны быть признаны двумя разными лексемами, а не прототипическим значением и особым употреблением одной и той же лексемы.

Семантика. Свойство (а), которое на первый взгляд представляется чисто сочетаемостным, при более внимательном анализе материала оказывается семантическим. Дело в том, что по крайней мере два глагола, *заставлять* и *вынуждать*, могут реализовать свое второе значение и в контексте подлежащего – названия человека. Это происходит в ситуации, когда слово X, обозначающее человека, метонимически используется для обозначения его действий, непреднамеренно вызывающих какую-то реакцию на них у другого человека. Ср. *Музыкант заставляет страдать человеческие души, а сам ничего* (Л. Петрушевская. Лестничная клетка); *Тем самым они просто вынуждали сажать и их!* (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ). Такие употребления, взятые вне контекста, допускают две разные интерпретации – агентивную (намеренную) и причинную (ненамеренную). Ср. двусмысленность фраз типа *Он заставил меня заниматься языками*: либо давил на меня с этой целью (*заставлять 1*), либо совершенно непреднамеренно увлек меня своим собственным примером, разговорами о пользе лингвистических знаний и т.п. (*заставлять 2*)¹⁴. В первом случае он обозначает агенса, каузатора, т.е. целесообразно действующего субъекта. Во втором случае он является метонимическим обозначением причины, а именно, того его поступка, состояния или свойства, которое вызывает описываемое действие или состояние объекта.

Иными словами, автоматического правила, порождающего первое значение глагола из второго при альтернативе ‘фактор’ ⇒ ‘человек’ в позиции подлежащего, в данном случае не существует. В отсутствие такого правила постулировать особое употребление слова, по определению, нельзя.

¹³ Мысль о том, что каузатор (агенса) и причина в роли подлежащего порождает разные лексические значения, была впервые высказана Л.Н. Иорданской в работе, оставшейся неопубликованной, на материале пар типа *Он радуется меня (этим известием) – Это известие радует меня*; см. об этом [Апресян 1998: 274–275], где она была развита. Впоследствии ту же мысль развивали на более широком материале сама Л.Н. Иорданская в соавторстве с И.А. Мельчуком [Iordanskaja, Mel'čuk 2001] и Е.В. Падучева [Падучева 2001].

¹⁴ Уместно заметить, что сам по себе факт такой неоднозначности еще не является достаточным основанием для выделения двух разных лексических значений. Различия по одному и тому же признаку, в частности, признаку намеренности – ненамеренности, могут соответствовать и различию лексических значений, как в только что рассмотренном случае, и различию между значением и употреблением, как в случае *уколоть руку иголкой* – *уколоть руку об иголку* (см. раздел 3.2 выше), и прагматической неопределенности, как в случае *Иван упал* – то ли намеренно (например, чтобы увернуться от брошенного в него камня), то ли ненамеренно (поскользнулся и упал).

Между лексемами *заставлять 1*, *принуждать 1* и т.д., с одной стороны, и лексемами *заставлять 2*, *принуждать 2* и т.д., с другой, есть и более глубокое семантическое различие. Первые (за исключением, может быть, *вынуждать 1*) обозначают действие, особенно в ситуациях, когда в фокусе внимания оказываются физические аспекты воздействия, а именно, силовые или иные приемы принуждения. С этим, между прочим, связана способность лексем *заставлять 1*, *понуждать 1* и, в меньшей мере, *принуждать 1* употребляться в актуально-длительном значении НЕСОВ. Ср. *Посмотри, он заставляет собаку сесть; Я видел, как он криками и кнутом понуждал лошадь перейти на галоп*. Вторые обозначают событие и поэтому в актуально-длительном значении НЕСОВ употребляться не могут.

С оппозицией 'действие' – 'событие' связано еще одно семантическое различие между двумя рассматриваемыми рядами лексем. *Заставлять 1*, *вынуждать 1* и т.д. особенно в форме НЕСОВ в процессных значениях, допускают конативное употребление – обозначаемые ими действия могут оставаться неэффективными. Ср. *Следователь заставлял (вынуждал, принуждал) его дать ложные показания (но так ничего и не добился)*. Такие употребления особенно характерны для лексемы *понуждать 1*; ср. *С Игорем вместе были в плену сын тысяцкого и конюший его, оба они понуждали князя принять предложение Лавора ---; Игорь все медлил* (С.М. Соловьев. История России с древнейших времен). Для лексем *заставлять 2*, *вынуждать 2* и т.д. даже в форме НЕСОВ конативные употребления по природе вещей исключены – причина всегда эффективна, т.е. приводит к некоему неизбежному следствию. Ср. *Бездетность-то и заставляла Настену терпеть все* (В. Распутин. Живи и помни); *Реальная жизнь, в конце концов, вынуждала принимать решения, отвечающие интересам сельских жителей и государства* (Упсальский корпус); *Парадокс шпионажа заключается в том, что чем больше ты узнаешь о своем противнике, тем больше это тормозит твое собственное развитие, так что знание это принуждает тебя все время пытаться его настигнуть, дабы помешать его усилиям* (И. Бродский. Коллекционный экземпляр. Авторизованный пер. А. Сумеркина); *А потом опять возвращаюсь к столу и уже не могу разобраться и объяснить самому себе, что меня к этому понуждает* (Э. Бурмакин. Дверь).

Формы. У лексемы *вынуждать 1* есть ровно одна форма СТРАД НЕСОВ – невозвратная, между тем как у *вынуждать 2* их две – невозвратная и возвратная. Ср. *Вынуждаемый директором к отказу от сотрудничества со своим учителем, он решил вообще уйти с работы [вынуждать 1] и Вынуждаемый к отступлению потерями в людях и технике, он решил ночью оставить деревню [вынуждать 2]*, но только Эти жесткие меры вынуждаются чрезвычайными обстоятельствами, в которых мы оказались [вынуждать 2], при невозможности *Премьер-министр вынуждается президентом к отставке [вынуждать 1]. При этом ни у одного глагола нет ясных форм СОВ СТРАД КР. Формы *вынужден* и *принужден* в современном языке функционируют не как причастия, а как прилагательные, отпочковавшиеся от лексем *вынуждать 2* и *принуждать 2*. Ср. *Неужто вот так я его каждый день буду вынужден заставлять читать? – подумал он о предстоящем долгом лете* (Ф. Искандер. Авторитет); *Бедный друг, как жаль, что ты не с нами и принужден скучать в пресноте повседневщины* (Л. Андреев. Красный смех).

Конструкции. Лексемы ряда *заставлять 1*, *вынуждать 1* и т.д., обозначающие действие, легко употребляются в форме ПОВЕЛ в отрицательных предложениях; ср. *Не заставляйте меня лгать (лукавить); – Не вынуждайте меня объяснять вам очевидные вещи, – профессор снова начал раздражаться* (А. Маринина. Мужские игры); *Не мучь, не трогай, / Не понуждай и не зови: / Когда-нибудь придет он, строгий, / Кристально-ясный час любви* (А. Блок. Сиенский собор).

Лексемы ряда *заставлять 2, вынуждать 2* и т.д., обозначающие событие, в предложениях указанного типа очевидным образом невозможны.

Будучи обозначениями действий, синонимы ряда *заставлять 1, вынуждать 1* и т.д. в активном залоге управляют именной группой в форме ТВОР в значении способа воздействия на объект или того побочного действия, которое непосредственно приводит к искомому результату. Ср. *В детстве силой заставляли ходить в английскую группу* (Ю. Трифонов Предварительные итоги); *Пытался он этим рассказом вынудить еще одно согласие у своей женской любви* (А. Битов. Пушкинский дом); *Города --- обыкновенно принуждали к сдаче голодом или хитростью* (С.М. Соловьев История России с древнейших времен); *Французы --- разорением и грабежами думают к миру их понудить* (Е. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию) Ту же роль при всех синонимах может выполнять деепричастный оборот, ср. *Направив на толпу ружья, солдаты заставили (вынудили, принудили) ее отступить*, *Князь понуждал своих союзников присоединиться к нему, обещая легкую победу*

Синонимы ряда *заставлять 2, вынуждать 2* и т.д., обозначающие событие, ни в той, ни в другой конструкции не употребляются.

Семантические связи. Аналогами лексем *заставлять 1, вынуждать 1* и т.д. являются следующие глаголы и классы глаголов: *навязывать, приказывать, велеть, предписывать, склонять, подталкивать, подговаривать, подстрекать, подбивать, подзуживать, подначивать, вменять в обязанность, ломать (Ломать себя не хочу), давить (Не дави на меня), оказывать давление, выкручивать руки* Лексемы *заставлять 2, вынуждать 2* и т.д. сближаются с другими глаголами и классами глаголов в качестве аналогов: *вызывать, порождать, влечь за собой, приводить (Что привело вас к этому заключению?)*

Неточным антонимом *заставлять 2, вынуждать 2* и т.д. является глагол *мешать*, ср. *Что заставило вас откликнуться на его просьбу? – Что помешало вам откликнуться на его просьбу?* У *заставлять 1, вынуждать 1* и т.д. антонимов нет

Дериватами *заставлять 1, вынуждать 1* и т.д., по крайней мере семантическими, являются слова *принуждение, прессинг, принудительный, не мытьем, так катаньем, из-под палки* Дериватами *заставлять 2, вынуждать 2* и т.д. являются слова *причина, принужденный* (ср. *принужденная улыбка*), *вынужденный* (ср. *вынужденное молчание*), *по необходимости, поневоле*

Итак, собственные свойства и семантические связи лексических единиц в парах *заставлять 1 – заставлять 2, вынуждать 1 – вынуждать 2* и т.д. настолько различны, что свести такую пару к одному и тому же лексическому значению, пусть с особым употреблением, не удастся.

Как легко видеть, переход от значения ‘заставлять 1’ к ‘заставлять 2’ происходит за счет семантической альтернации вида ‘человек’ ⇒ ‘неодушевленный объект’ в сфере первой валентности рассматриваемых предикатов Указание на волю агенса добиться нужного изменения в мире снимается, каузатор превращается в причину.

Помимо первой валентности, аналогичная альтернация с похожими, но не идентичными эффектами возможна и в сфере второй валентности, т.е. валентности объекта воздействия, во всяком случае для лексем *заставлять 1, заставлять 2* и *вынуждать 2*.

Все три лексемы сочетаются не только с названием человека в роли объекта, но и с названием неодушевленного предмета – механизма или его части, растения, какой-то физической субстанции и т.п. Поскольку предметы суверенной волей не наделяются, в таких употреблениях снимается идея насилия над волей объекта. Иными словами, мена сочетаемости коррелирует с семантическим сдвигом – прототипическое значение лексемы ослабляется за счет устранения компонента ‘У, который не хочет делать Р’.

Примеры на *заставлять 1* В доме он водил Таньку по комнатам, заставляя для нее играть часы (И. Бунин. Танька), В своих догадках он все время топтался вокруг колеса, --- и продолжал искать новые и новые способы – как заставить колесо постоянно вертеться (В. Шукшин. Упорный); Садовник умелой обрезкой [яблони] может заставить ее пробудиться, и тогда на гладком месте вдруг выстреливает новый побег (В. Дудинцев. Белые одежды). Важная особенность таких употреблений состоит в том, что в них *заставлять 1* обозначает только э ф ф е к т и в н о е воздействие на объект

Примеры на *заставлять 2, вынуждать 2* Тяжесть висящей на цепочке гири заставляет часы работать (В. Пелевин Омон Ра); Электрическое поле [магнитной волны] периодически меняется – осциллирует – и вынуждает колебаться с такой же частотой электронное облако, окружающее атом (Уппсальский корпус) В таких случаях значение *заставлять 2* и *вынуждать 2* ослабляется до чисто причинного¹⁵.

Внешне все выглядит почти так же, как при альтернации по первой валентности. Однако никаких других различий, помимо только что названных, альтернация 'человек' ⇒ 'неодушевленный объект' в сфере второй валентности не вызывает. В результате порождается не новое значение, а ослабленное употребление той же самой лексемы.

Как показывает анализ, одни и те же или очень похожие механизмы, работая на разных участках валентной структуры лексемы, приводят к разным эффектам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю Д 1974 – Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974
 Апресян Ю Д 1997а – Лингвистическая терминология словаря // НОСС, Первый выпуск. М., 1997
 Апресян Ю Д 1997б – Словарная статья *ждать 1.1, дожидаться, ожидать 2, поджидать* и т.п. // НОСС, Первый выпуск. М., 1997
 Апресян Ю Д 1998 – Каузативы или конверсивы? // Типология, грамматика, семантика. СПб., 1998
 Апресян Ю Д 1999 – Принципы системной лексикографии и толковый словарь // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 1999
 Апресян Ю Д 2000 – Многозначность и синонимия слова *любить* // Etnolingwistika. Problemy języka i kultury 12. Lublin, 2000
 Апресян Ю Д 2001 – Глагол *заставлять*: семантический класс, синонимия, многозначность (в печати).
 БАС 1948 – Словарь современного русского литературного языка. Том первый. М., Л., 1948
 Богуславский И М 1996 – Сфера действия лексических единиц. М., 1996
 БТС 1998 – Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998
 Булыгина Т В, Шмелев А Д 1997 – Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997
 Вежибицкая Анна 1996 – Язык, культура, познание. М., 1996
 Виноградов В В 1947 – Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., Л., 1947
 Гловинская М Я 1993 – Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993
 Жолковский А К 1964 – Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М., 1964
 Зализняк Анна А 1992 – Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Munchen, 1992

¹⁵ Как видим, механизмы ослабления значений внутри лексемы *заставлять 1*, с одной стороны, и лексемы *заставлять 2, вынуждать 2*, с другой, обнаруживают интересный и не лишенный стройности параллелизм

- Золотова Г А 2000 – Понятие личности/безличности и его интерпретации // R Ling 2000 № 24
- МАС 1981 – Словарь русского языка в четырех томах Изданное второе, исправленное и дополненное Т I М, 1981
- НОСС 1997 – Ю Д Апресян, О Ю Богуславская, И Б Левонтина, Е В Урысон, М Я Гловинская, Т В Крылова Новый объяснительный словарь синонимов русского языка Первый выпуск / Под общим руководством академика Ю Д Апресяна М, 1997
- Падучева Е В 2001 – Русский декаузатив и его формальные модели (в печати)
- Пешковский А М 1956 – Русский синтаксис в научном освещении Издание седьмое М, 1956
- Рассел Б 1957 – Человеческое познание М, 1957
- СО 1990 – С И Ожегов Словарь русского языка 22-е издание, стереотипное М, 1990
- СОШ 1992 – С И Ожегов, Н Ю Шведова Толковый словарь русского языка М, 1992
- СУ 1934 – Толковый словарь русского языка / Под ред проф Д Н Ушакова Т I М, 1934
- Янко Триницкая Н А 1962 – Возвратные глаголы в современном русском языке М, 1962
- Fraser B 1971 – A note on the spray paint cases // Linguistic Inquiry 1971 № 2
- Groot C de 1984 – Totally affected Aspect and three-place predicates // C de Groot and H Tommola, eds Aspect bound Dordrecht, 1984
- Guiraud Weber M 1984 – Les propositions sans nominatifs en russe moderne Paris, 1984
- Iordanskaja L N Mel čuk I A 2001 – Conversif ou causatif? (в печати)
- Levin Beth 1993 – English verb classes and alternations A preliminary investigation Chicago, London, 1993
- Longman 1990 – Longman dictionary of contemporary English Harlow, 1990
- Robert 1967 – Le petit Robert Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française Paris, 1967
- Russell B 1940 – An inquiry into meaning and truth New York, 1940
- Timberlake A 2000 – On first looking into Apresjan's lexicon // Слово в тексте и в словаре Сборник статей к семидесятилетию академика Ю Д Апресяна М, 2000
- Veyrenc I 1976 – Sur la double diathèse d'objet des énoncés translocatifs // BSLP 1976 № 72
- Veyrenc I 1978 – Constructions régressives avec datif // RÉSI 1978 1–2
- Wierzbicka Anna 1992 – Semantics, culture and cognition Universal human concepts in culture-specific configurations New York, Oxford, 1992